

Хороший день
для кенгуру

В вольере за оградой жили четыре кенгуру. Один самец, две самки и детеныш, недавно появившийся на свет.

У вольера кроме нас — никого. Зоопарк, собственно говоря, не из тех, где собираются толпы народа. К тому же было утро понедельника, и зверей в клетках оказалось куда больше, чем посетителей, пришедших на них поглазеть.

Мы, конечно же, пришли ради кенгуренка. Кроме него, смотреть там было не на что.

О том, что у кенгуру родился малыш, мы узнали месяц назад из газеты и весь этот месяц ждали подходящего утра, чтобы поехать на него поглядеть. Однако такое утро все никак не приходило. То вдруг с утра зарядит дождь. На следующее утро — то же. На следующее-следующее выяснится, что земля раскисла от влаги. Потом два дня подряд дул какой-то противный ветер. То вдруг у моей девушки зуб разболелся, то мне понадобилось по делам в местную управу.

Так прошел месяц.

По правде сказать, совершенно незаметно. Спросите: что за это время произошло? Даже не знаю, что сказать. Кажется, столько всего было, но вроде ничего и не было. Я бы и не заметил, что целый месяц пролетел, ес-

ли бы не человек, который явился за деньгами на газетную подписку на следующий месяц.

И все же утро, когда мы пошли смотреть на кенгуру, наступило. Мы проснулись в шесть часов, раздвинули шторы и сразу поняли: день для свидания с кенгуру — самый подходящий. Умылись, позавтракали, покормили кошку, успели постирать и, надев кепки с козырьком от солнца, вышли из дома.

— Этот кенгуренок еще живой? Как ты думаешь? — спросила меня девушка, когда мы уже ехали в электричке.

— Думаю, живой. Чего ему сделается? В газетах не писали, что он умер.

— Может, он заболел, и его отвезли в лечебницу?

— Тогда должны были об этом написать.

— А вдруг у нее нервный стресс и она забилась куда-нибудь?

— Ты о ком? О кенгуренке?

— Дурак. О мамаше его. Залезла вместе с малышом в темный угол и сидит там.

Меня всегда восхищала ее способность выдумывать самые разные вещи.

— Мне кажется, мы кенгуренка больше не увидим, если сейчас упустим.

— Да?

— А ты вообще раньше видел кенгурят?

— Не-а.

— Думаешь, еще увидишь? Уверен?

— Ну, как сказать? Не знаю.

— Вот поэтому я и беспокоюсь.

— Послушай, — возразил я. — Может, так оно и есть, как ты говоришь, но я, к примеру, никогда не ви-

дел, как жираф рожает. Или плавающего кита. Чего тогда из кенгуренка проблему делать?

— Потому что это кенгуренок, — ответила она.

Я замолчал и уткнулся в газету. Мне еще ни разу не удавалось ее переспорить.

Кенгуренок, естественно, оказался живехонек. Он (или она) выглядел гораздо крупнее, чем на фото в газете, и жизнерадостно скакал по вольеру. То уже был не кенгуренок, а маленький кенгуру. Этот факт слегка разочаровал мою девушку.

— Он уже не похож на кенгуренка.

— Похож, похож, — утешил я ее.

— Надо было раньше приехать.

Я сходил в киоск и принес две порции шоколадного мороженого. Моя девушка все еще стояла, опершись на ограду, и не сводила глаз с кенгуру.

— Нет, это уже не кенгуренок, — повторила она.

— И что? — поинтересовался я, вручая ей мороженое.

— Если бы он был кенгуренком, то сидел бы у матери в сумке.

Я кивнул и лизнул мороженое.

— А он не сидит.

Мы поискали глазами мать. Отца-кенгуру вычислили сразу — самый здоровый и самый спокойный. Самец с сокрушенным видом композитора, горящего по увядшему таланту, разглядывал сваленные в кормушке зеленые листья. Две самки были совершенно одинаковые — и телом, и цветом, и мордой. Мамашей могла быть любая.

— Интересно, кто из них мать, а кто — нет? — сказал я.

— Угу.

— А чего тогда здесь вторая делает? Та, которая не мать.

— Не знаю, — отвечала моя девушка.

Тем временем кенгуренок, не обращая ни на кого внимания, носился по кругу, потом вдруг без всякого смысла принимался рыть передними лапами ямки в земляном полу. Он (или она), похоже, понятия не имел, что такое скука. Поскакав вокруг отца, пожевав травки и покопавшись в земле, детеныш сунулся к самкам, прилег, тут же вскочил и снова заметался по вольере.

— Почему кенгуру так быстро скачут? — спросила моя девушка.

— От врагов удирают.

— От врагов? Каких еще врагов?

— От людей, — сказал я. — Те их бумерангами убивают и едят.

— А зачем кенгурята к матери в сумку лезут?

— Чтобы вместе убежать. Они же маленькие, быстро бегать не умеют.

— Значит, мать их защищает?

— М-м. Малышей всегда защищают.

— И сколько это длится?

Надо было побольше почитать про кенгуру в какой-нибудь книжке о животных. Ясно же было, что такой разговор начнется.

— Месяц или два. Так я думаю.

— Ну! А этому кенгуренку только месяц. — Она показала на него пальцем. — Ему как раз в сумке сидеть.

— Угу, — промычал я. — Наверное.

— Классно в сумке, скажи?

— Да уж...

— Хотел бы к Дораэмону¹ в карман, чтобы забить на все?

— Ну...

— Хотел бы, знаю.

Солнце стояло уже высоко. Из бассейна неподалеку доносились радостные детские голоса. По небу проплывали летние облака с четко очерченными краями.

— Есть хочешь? — спросил я.

— Хот-дог и колу, — ответила она.

Хот-доги продавал парнишка-студент. Он притащил в свой киоск-вагончик большой кассетник, и пока жарились сосиски, я успел послушать Стиви Уандера и Билли Джоэла.

— Эй! — увидев, что я возвращаюсь, крикнула моя девушка и махнула рукой в сторону вольера. — Гляди! Он в сумку залез.

Действительно, кенгуренок забрался в убежище на животе матери. Сумка раздулась, из нее торчали только острые ушки и кончик хвоста.

— Не тяжело ей?

— Кенгуру вообще-то сильные.

— Правда?

— Поэтому до наших дней дотянули.

Солнце припекало все сильнее, но мамаша-кенгуру ни капельки не вспотела. Вылитая домохозяйка, зашедшая днем в кофейню передохнуть после похода в супермаркет на Аояма-дори².

— Она его защищает?

— Угу.

1 Персонаж популярных японских детских мультфильмов, добрый и смешной роботизированный кот с карманом на животе. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

2 Одна из центральных улиц Токио.

— Может, он там заснул?

— Похоже на то.

Мы сжевали хот-доги, запили колой. Настало время уходить.

Папаша-кенгуру по-прежнему выискивал в кормушке потерянные ноты. Мамаша и кенгуренок, слившись в одно целое, отдались течению времени, а загадочная самка без устали скакала по вольеру, будто испытывая на прочность свой хвост.

День обещал быть жарким. Давно уже такого не было.

— Может, пива выпьем? — предложила моя девушка.

— Давай, — согласился я.

О встрече
со стопроцентной
девушкой погожим
апрельским утром

Однажды погожим апрельским утром на узкой улочке Харадзюку¹ я повстречался со стопроцентной девушкой.

Не сказать, что она была очень красива, да и одета так себе, ничего особенного. Волосы на затылке топорщились — еще не пришли в себя после сна. Возраст — пожалуй, ближе к тридцати. И все равно уже за пятьдесят метров я понял: это девушка для меня, *на сто процентов*. В тот же миг, как я ее увидел, сердце заколотилось неровными толчками, а во рту стало сухо, как в пустыне.

Возможно, вам нравятся другие девушки — с тонкими лодыжками, большими глазами, сногшибательно красивыми пальцами. А может, вы западаете на таких, которые медленно жуют, когда едят. У меня тоже, конечно, есть свои предпочтения. К примеру, в ресторане я вполне могу засмотреться на девушку за соседним столиком, если мне вдруг понравится ее нос.

Хотя никто не в состоянии определить, какой должна быть идеальная, на все сто процентов, девушка. Как она должна выглядеть. Я даже ничего не могу сказать про нос той, которая шла в то утро мне навстречу. Да что

1 Район японской столицы, центр молодежной моды и тусовки, отличающийся обилием бутиков, магазинов и лавочек.

говорить: имелся ли он у нее вообще, и того не помню. Единственное, что могу сейчас сказать: на красавицу она не тянула точно. Странно все это.

Потом я расскажу кому-нибудь, что встретил на улице стопроцентную девушку.

— Серьезно? — скажет он. — Хорошенькую?

— Да не то чтобы...

— Тогда, значит, в твоем вкусе?

— Даже не знаю. Я про нее совсем ничего не помню.

Ни какие у нее глаза, ни какая грудь — большая или маленькая.

— Что-то я тебя не пойму.

— Я сам не понимаю.

— И что ты сделал? — спросит он равнодушно. — Заговорил? Пошел за ней?

— Ничего не сделал, — отвечу я. — Разошлись и все.

Она шла на запад, я — на восток. А утро было просто замечательное.

Надо бы поговорить с ней. Хотя бы полчаса. Расспросить, кто она, о себе рассказать. Поведать о превратностях судьбы, которая свела нас в этом переулке Харадзюку в погожее утро апреля 1981 года. Здесь наверняка таилось множество милых секретов, как в старинном механизме, созданном руками мастера во времена, когда на Земле царил мир.

Поговорив, мы зашли бы куда-нибудь пообедать, посмотрели бы фильм Вуди Аллена, потом заглянули по дороге в отель, чтобы выпить по коктейлю у барной стойки. А пойдти все как надо, возможно, закончили бы день в постели.

«Все может быть», — стучало в сердце.

Между нами оставалось метров пятнадцать.

Как же с ней заговорить? С чего начать?

— Здравствуйте. Не могли бы вы уделить мне полчаса?

Идиотизм! Прямо-таки страховой агент, честное слово.

— Извините, вы не знаете здесь поблизости кругло-суточной прачечной?

Тоже не годится. У меня ведь даже пакета с бельем для стирки с собой нет.

Или взять и рубануть все как есть:

— Привет. Я хотел сказать, что ты подходишь мне на сто процентов.

Нет, вряд ли она моим речам поверит. Да если даже и поверит, захочет ли разговаривать? Скажет: я тебе, может, и подхожу на сто процентов, а ты мне — нет. Что тогда? Для меня это будет удар ниже пояса. Мне уже тридцать два. Значит, старею.

У цветочного магазина мы поравнялись. Я кожей ощущаю слабое теплое дуновение. От мокрого асфальта поднимается запах роз. Почему-то я не могу произнести ни слова. На ней белый свитер, в правой руке — белый конверт, еще без марки. Написала кому-то письмо. Вид у нее такой сонный — не иначе, всю ночь над ним просидела. Быть может, в этом конверте — все ее секреты.

Пройдя несколько шагов, я оборачиваюсь, но она уже потерялась в толпе.

* * *

Теперь-то я, конечно, знаю, что надо было ей сказать тогда. Хотя история получилась бы слишком длинная, и

я вряд ли сумел бы изложить ее внятно. Мне всегда приходят в голову мысли, которыми бывает трудно воспользоваться. Так или иначе, а начал бы я с «давным-давно» и закончил так: «Грустная история, правда?»

* * *

Давным-давно жили парень и девушка. Ему было семнадцать, ей — шестнадцать. Он — просто симпатичный, она — тоже не супермодель. Обыкновенные ребята, каких везде можно встретить. Только одинокие. Зато и он, и она твердо знали, что где-то на Земле живут девушка и парень, которые им подходят на сто процентов.

И вдруг однажды на улице они встретились.

— Какое чудо! — заговорил он. — Я столько тебя искал. Не поверишь, но ты мой идеал — на сто процентов.

— А ты — мой. Я точно таким тебя представляла. Это как во сне.

Парень и девушка сели на скамейку в парке и долго-долго разговаривали. Они больше не были одиноки. И это замечательно.

Однако в их душах все же шевелился маленький, совсем крошечный червячок сомнения: хорошо ли, когда мечты сбываются так просто?

Разговор на минуту прервался, и парень сказал:

— А давай устроим маленькую проверку? Если мы в самом деле любим друг друга на сто процентов, значит, в свое время обязательно еще встретимся где-нибудь. И если мы поймем тогда, что так оно и есть, сразу поженимся. Идет?

— Идет, — отвечала девушка.

И они расстались.

По правде сказать, в этой проверке не было никакой необходимости, потому что между ними была настоящая любовь, на все сто процентов. И судьба сыграла с ними злую шутку.

Зимой они оба заболели — в тот год свирепствовал жуткий грипп. Несколько недель между жизнью и смертью кончились тем, что влюбленные начисто забыли о прошлом. И когда пришли в себя и открыли глаза, в головах у них было пусто, как в копилке Д.Г. Лоуренса в его молодые годы.

Но им было не занимать ума и терпения. Парень и девушка не жалели сил, приобрели новые знания, вырастили в себе новые чувства и снова смогли стать полноценными членами общества. Научились переходить в метро с одной линии на другую, отправлять письма и бандероли. И даже познали любовь — на семьдесят пять, а то и на восемьдесят пять процентов.

Время летело с поразительной быстротой: скоро ему было уже тридцать два, а ей — тридцать.

И вот однажды погожим апрельским утром он шагнул по Харадзюку с запада на восток, собираясь выпить где-нибудь чашку кофе. Она шла той же улицей с востока на запад — нужно было купить марку, чтобы наклеить на письмо. Они встретились точно посередине улицы, и в двух сердцах на миг мелькнул смутный отблеск утраченных воспоминаний:

«Да ведь это моя девушка, моя на сто процентов!»

«Это же он, мой парень, мой на сто процентов!»

Но отблеск оказался слишком слабым, а их мысли уже не были такими чистыми и ясными, как четырнадцать лет назад. Они разошлись в разные стороны, не